

Административные механизмы советской промышленности

Особенности индустриального развития Ленинграда в условиях административно-командной экономики (1944—1949 гг.)

Михаил Михеев

Specifies of the industrial development of Leningrad within the Soviet command economy (1944—1949)

Mikhail Mikheev

*(Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Yekaterinburg)*

DOI: 10.31857/S086956870015469-6

В течение последних 30 лет в научный оборот введено множество ценных сведений о внутренних противоречиях, свойственных системе государственного управления экономикой СССР в период сталинизма. Известно о проблемах организации государственного планирования, спорах в научном сообществе относительно перспектив экономического развития, зачастую перетекавших в политические дискуссии. Широкое освещение получила проблема «ведомственности»¹. Её определение исчерпывающе сформулировал А.Ю. Ермолов: «самостоятельные действия руководителей ведомств, направленные на защиту интересов порученных им организаций»². По мнению специалистов, расцвет ведомственности приходится на 1940-е гг. Существует мнение, что во многом его вызвали экстраординарные события 1941—1945 гг.³ Признание факта межведомственной борьбы органично выводит на размышления о возможности и даже закономерности противоречий не только на ведомственно-отраслевом, но и на территориально-региональном уровне. Поставленная проблема недо-

© 2021 г. М.В. Михеев

¹ См., например: *Маркевич А.М.* Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // *Экономическая история: ежегодник 2003. М., 2004. С. 20—54; Decision-making in the Stalinist command economy. L., 1997; Hunter H., Szyrmer J.M.* Faulty foundations: Soviet economic policies, 1928—1940. Princeton; New Jersey, 1992; *Бакунин А.В., Лебедев В.Э.* Региональная научно-техническая политика: проблемы истории. Свердловск, 1991; и др.

² *Ермолов А.Ю.* За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств за конверсию и реконверсию СССР в середине 1940-х гг. // *Экономическая история: ежегодник 2013. М., 2014. С. 391.*

³ См., например: *Хлевнюк О.В.* Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны // *Российская история. 2018. № 4. С. 58—72; Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2009. С. 455; *Мухин М.Ю.* Финансовые взаимоотношения советских ВВС и Наркомата авиационной промышленности СССР в 1941—1945 гг. // *Российская история. 2015. № 1. С. 46—53.*

статочно полно охвачена историографией, хотя источники указанного периода сообщают немало информации такого рода⁴.

Присутствию регионального компонента в ведомственно-отраслевой борьбе парадоксальным образом способствовала централизация в 1930-е гг. государственного управления. Выстроив её систему по принципу отраслевых наркоматов, правительство сразу и в полной мере ощутило негативные последствия «ведомственных усобиц», препятствовавших государственному планированию, снижавших эффективность капиталовложений, контроля, учёта и распределения ресурсов. Наркоматы пренебрегали государственными заданиями в части рациональной территориальной организации общесоюзной промышленности в пользу собственных интересов⁵. Выходом из положения должна была стать практическая реализация сталинского тезиса о единстве государственного управления с партийным⁶. В ноябре 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало обкомы организовать в своих структурах промышленные отделы для курирования предприятий на подведомственных им территориях. XVIII Всесоюзная партийная конференция (февраль 1941 г.) увеличила количество отделов соответственно основным отраслям промышленности в каждом регионе⁷. С помощью этого предполагалось достичь своеобразного «баланса» в регулировании экономики, совместить элементы региональной экономической автономии с жёстко централизованной системой отраслевого управления.

Однако дуализм «региональной партийной» и «отраслевой государственной» власти неизбежно порождал разногласия. Их гарантировали как экономический потенциал отдельных территорий, так и политические амбиции некоторых региональных лидеров. В настоящей статье я рассмотрю один из примеров таких противоречий на примере действий Ленинградской партийной организации в послевоенный период.

К началу Второй мировой войны Ленинград являлся одним из крупнейших индустриальных центров страны. Традиционно здесь концентрировалась значительная доля производительных мощностей судостроения, машиностроения, электропромышленности и иных отраслей. Весной 1938 г. доля города и прилегающей области только в части размещения здесь предприятий Наркомата оборонной промышленности составляла 17,3%⁸. По данным на 1940 г., удельный вес произведённой в Ленинграде промышленной продукции составил 10,5% от общесоюзного показателя⁹. Город являлся единственным крупным советским морским портом на Балтике и имел большое значение как для внешней торговли, так и транспортной инфраструктуры СССР. Однако положение региона не было неуязвимым. Его ослаблял преимущественно «обрабатывающий» характер предприятий; не имелось собственных источников сырья, в первую очередь

⁴ См.: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953 / Сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко, А.И. Минюк, М.Ю. Прозуменщиков, О.В. Хлевнюк. М., 2004; Harris J.R. The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. Ithaca; L., 1999.

⁵ См.: РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 522, л. 73—84; РГАЭ, ф. 4372, оп. 41, д. 199а, л. 1—19.

⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. / Сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995. С. 222.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 7. 1938—1945. М., 1985. С. 145, 200.

⁸ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е гг. М., 1996. С. 98.

⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб), ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 25.

железной руды и каменного угля¹⁰. Решением проблемы должно было стать строительство на Северо-Западе металлургического комбината. Используя каменный уголь Печорского бассейна, он осуществлял бы плавки руд Кольского полуострова для снабжения Ленинграда металлом¹¹. Тому же бассейну предстояло обеспечивать город и минеральным топливом. Но эти планы оказались сорваны событиями 1941—1945 гг.

После окончания войны ситуация усложнилась. Сама возможность сохранения ленинградской промышленности в её довоенном виде оказалась под вопросом. Город потерял 63,4% населения¹². Выпуск валовой промышленной продукции снизился на 68% (в то время как в Западной Сибири и на Урале он составил 270 и 305% от довоенного уровня)¹³. Форсированный рост индустрии восточных районов не только уменьшил удельный вес Ленинграда в общесоюзном промышленном производстве (до 7% в 1944 г.¹⁴), но и «перетянул» основные потоки сырья, сужая перспективы восстановления и дальнейшего развития ленинградской индустрии, особенно в условиях разрушенной металлургии Юга. Вхождение в состав СССР Прибалтики привело к появлению сильных портовых конкурентов — Риги, Либавы и Вентспилса. Конкуренция наметилась и за топливные ресурсы. С 1942 г. Свердловский обком ВКП(б) предпринимал последовательные шаги по переориентации угледобычи в Печорском бассейне под нужды металлургии Урала¹⁵.

Тем не менее Ленинградский обком не собирался мириться со сложившейся ситуацией, ведь именно промышленный потенциал города традиционно обеспечивал его региональным руководителям высокое место в системе партноменклатуры. Уже осенью 1944 г., вскоре после снятия блокады, Ленобком направил в ГКО запрос о возобновлении строительства металлургического комбината на Северо-Западе¹⁶. 5 сентября 1945 г. объединённое бюро обкома и горкома обсудило вопрос о размере валовой продукции промышленных предприятий Ленинграда в 1950 г. Эти цифры затребовал Госплан СССР для составления IV пятилетнего плана. Их утверждение выявило много и откровенности, и недосказанности.

Когда первый секретарь А.А. Кузнецов услышал от уполномоченного Госплана И. Г. Стожилова о планируемом снижении удельного веса промышленности города с 10,5% в 1945 г. до 7% в 1950 г., он оборвал его: «Снижаться нельзя, никак нельзя... За удельный вес союзной промышленности нам нужно бороться. В музей мы не хотим превратиться. Будут нас уважать за историю, что Ленин и Сталин революцию здесь создавали, что белогвардейцев мы здесь убивали, что эталоном мужества и стойкости были. Но мы не хотим быть на

¹⁰ *Гриневецкий В.И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1922. С. 141.

¹¹ *Дьяков Ю.Л.* Создание Северной угольно-металлургической базы СССР // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 7.

¹² *Ваксер А.З.* Возрождение ленинградской индустрии. 1945 — начало 1950-х гг. СПб., 2015. С. 17.

¹³ *Можин В.П., Кистанов В.В., Лаврищев А.Н., Адамеску А.А., Токарев С.П.* Планирование размещения производительных сил СССР: осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. 1. М., 1985. С. 214.

¹⁴ ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 25.

¹⁵ *Аристов А.Б.* Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 23; Архив РАН, ф. 666, оп. 2, д. 1, л. 11—22; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОО СО), ф. 4, оп. 41, д. 218, л. 50—55.

¹⁶ ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2в, д. 661, л. 47—68.

выставке, хотим быть индустриальным центром»¹⁷. Это означало борьбу за увеличение промышленного производства в абсолютных цифрах, ведь согласно плану IV пятилетки валовой продукции основных отраслей промышленности СССР предстояло возрасти в 1,5 раза¹⁸.

Стремление к высоким абсолютным цифрам подтверждалось не вполне корректным обращением к государственной статистике. Показатели 1950 г. высчитывались в процентном соотношении к 1940 г. Выяснилось, что данные Госплана и данные обкома расходятся на 9,2% (10 688 млн и 9 814 млн руб. соответственно). Кузнецов, не прибегая к арбитражной проверке, дал указание производить расчёты исходя из максимальных показателей: «Надо увеличить». Им выдвигались аргументы в пользу территориальной организации экономики всего Северо-Запада вокруг Ленинграда: «Развитие Ленинграда нужно связывать с Северо-Западом, не отрывая. На нас обращены взоры мурманцев, карело-финнов, и мы обязаны обслуживать Прибалтику и Воркуту. Сланцы на Западе кто должен обслуживать? Мы. Там развивается металлургическая промышленность, бумажная, алюминиевая, деревообрабатывающая в Карельской республике, и как-то неудобно тащить с Дальнего Востока или с центра страны машины, станки. Таким центром для Северо-Запада должен стать Ленинград»¹⁹. Отмечу, что именно названных Кузнецовым регионов коснулась послевоенная «экспансия» ленинградских руководящих кадров²⁰. Указания первого секретаря противоречили ещё довоенному запрету строительства новых предприятий в Москве и Ленинграде²¹, более того, он открыто предлагал способы обхода этого ограничения: «Есть решения XVIII съезда... в Ленинграде, Москве, Киеве, Ростове, Свердловске, Харькове не строить новое промышленное строительство. Мы восстанавливаем корпуса, надстраиваем и т.д. ... Предположим, одноэтажный корпус выходит на какую-то улицу, а вместо этого одноэтажного корпуса построить трёхэтажный дом».

Кузнецов неоднократно ссыался на поддержку председателя Госплана СССР: «Тов. Вознесенский говорит: “Я хотел бы заслушать Ваш доклад по крупным вопросам, которые Вы решаете в четвёртой пятилетке, с тем, чтобы мне разрешить эти вопросы”»²². Эти слова произвели должное впечатление на присутствовавших, в особенности на Стожилова, который не решился спорить с ленинградским партлидером. На вопрос последнего о планируемом увеличении населения города («Не много мы берём, 2,5 миллиона человек? Это надо, чтобы 1 миллион 300 тысяч человек прибыло у нас») он ответил так: «Не много, Алексей Александрович, я думаю, что укладываться будет тяжело». Сроки выполнения плановых заданий ленинградской промышленностью он тоже поставил двусмысленно: «К концу пятилетки, к 1950 г.». Но формулировка «к 1950 г.» не тождественна формулировке «к концу пятилетки». Она означала срок к 1 января 1949 г., т.е. за год до конца пятилетки. Это позволило собравшимся спутать плановые показатели конца 1949 г. и конца пяти-

¹⁷ Там же, оп. 2, д. 5663, л. 26.

¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 252.

¹⁹ ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 26, 11.

²⁰ *Болдовский К.А.* К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946—1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2010. Вып. 3. С. 121—126.

²¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986 гг.). Т. 7. С. 69.

²² ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 76.

летки. Стожилов, в частности, сначала отметил, что «к 1950 г. объём валовой продукции предусматриваем на 27,5% выше, чем был в 1940 г.», но позднее указал: «Мы предусматриваем завершение и восстановление промышленности Ленинграда в 1949 г.». На уточняющий вопрос заведующего отделом оборонной промышленности горкома М.В. Басова («В каком же году мы достигнем довоенного уровня по выпуску валовой продукции?») он только повторил: «Я сказал, в 1949 г.». Таким образом, смешались две разные вещи: восстановление промышленности в 1949 г. и её увеличение на 27,5% к 1950 г. (т.е. также в 1949 г.). Возможно, имелось в виду, что оба эти события произойдут в течение одного года, но это не меняет сути — плановые цифры на конец IV пятилетки *de facto* остались не названы. При этом отдельные показатели производства «в 1950 г.», а не «к 1950 г.» (например, для завода «Электросила») Стожилов всё же озвучил²³.

Последующие выступления Кузнецова немного прояснили ситуацию: «Но нужно ли нам делать так, чтобы к 1950 году увеличить промышленность на 127% по сравнению с 1940 г., не поставить ли себе более скромную задачу — восстановить. Если к 1950 г. дадим 14 миллиардов, это будет хорошо». Стожилов согласился: «Лаврищев (начальник отдела территориального планирования Госплана СССР. — М.М.) исходит из этой позиции, о которой вы говорите, — восстановить к 1950 г.». Теперь годом восстановления промышленности до довоенного уровня был определён 1949 г., но плановые показатели на 1950 г. по-прежнему не оглашались. Работники обкома тут же получили указание 8 сентября выехать в Москву и представить в Госплан докладную записку с контрольными цифрами, установленными на бюро²⁴.

В свете последующих событий недомолвки собравшихся кажутся странными только на первый взгляд. Документы Госплана содержат упоминание о правительственном решении сохранять в ходе IV пятилетки промышленные мощности Ленинграда на довоенном уровне²⁵. Кузнецов как сторонник повышения «удельного веса» города в экономике страны не мог не желать обратного. В итоге он не только согласовал в Москве в качестве года выхода ленинградской промышленности на довоенный уровень 1949 г. (103% к 1940 г.), но также добился увеличения показателей до 112% к концу пятилетки²⁶. Более того, впоследствии достижение этого уровня фактически оказалось перенесено на конец 1949 г. в качестве «социалистического обязательства... выполнить пятилетку в 4 года»²⁷. Таким образом, обком получал возможность просить о дальнейшем увеличении плана 1950 г., равно как и показателей последующих лет. В этих устремлениях явно обнадёживала протекция Вознесенского.

На том же объединённом бюро 5 сентября 1945 г. Кузнецов зафиксировал приоритетное направление промышленного развития. Это была ещё довоенная идея строительства металлургического комбината, производящего металл для нужд города на основе печорских углей и кольских руд: «Надо записать: создать в 4-й пятилетке в районе Ленинграда металлургическую базу для обеспечения нужд Ленинграда и Северо-Запада... Взять да записать». Без этого оказыва-

²³ Там же, л. 15—24.

²⁴ Там же, л. 75, 80.

²⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 45, д. 1, л. 132; оп. 49, д. 161, л. 31.

²⁶ ГА РФ, ф. 5446, оп. 50а, д. 2957, л. 190.

²⁷ Там же, оп. 51а, д. 1599, л. 38.

лись несостоятельными надежды на увеличение пресловутого «удельного веса»: «Если только построим металлургический завод, конечно, мы выскочим»²⁸. Басов осторожно выразил сомнения: «В плане, представленном т. Стожиловым, правильно учтено развёртывание промышленности до довоенного уровня, но обеспечить ленинградскую промышленность своим металлом нельзя. В 1940 г. завозили в Ленинград металла, стали, чугуна около 1 200 тыс. тонн. Поэтому ставить задачу — обеспечить Ленинград в это пятилетие металлом внутри своего экономического района, — мне кажется, невозможно»²⁹. Кузнецов понимал риски, но стоял на своём: «Я уже в репликах давал [понять] о том, что нам надо твёрдо войти с металлургическим заводом, это вопрос решённый»³⁰.

Итак, к осени 1945 г. перед обкомом стояла цель: увеличить долю выпускаемой в регионе промышленной продукции в общесоюзном производстве. Первое условие её достижения — скорейшее восстановление довоенного уровня. К концу 1948 г. показатели колебались в районе 89—92%³¹. Наметилась перспектива выхода на довоенные показатели к 1 ноября 1949 г.³² Но внушительные темпы роста сопровождались осложнениями. В первую очередь они объяснялись невыполнением плана отдельными отраслями. Так, в декабре 1948 г. обком отметил неудовлетворительную работу судостроительных предприятий: «Они плохо справляются с заданиями по номенклатуре, систематически не выдерживают установленных сроков сдачи готовой продукции»³³. Оказались сорваны сроки выполнения кооперированных поставок для местного судостроения. Имели место неудачи в работе электротехнической промышленности. Завод «Электросила» в 1948 г. не выполнил план в номенклатурном исчислении³⁴ и одновременно столкнулся с отказами потребителей от произведённых машин, требованиями их замены³⁵. Поступили 20 рекламаций на бракованную продукцию и электродвигатели низкого качества со стороны угольной промышленности, ДнепроГЭСа и ВМФ³⁶. «Невский завод» вместо запланированной постройки семи турбин общей мощностью 34,5 тыс. кВт сумел изготовить только одну мощностью 1 тыс. кВт. Завод «Экономайзер» безнадежно отставал в выпуске турбопитательных и турбоциркуляционных насосов. К ноябрю 1948 г. он выполнил план по их производству на 22,2 и 0% соответственно³⁷.

Позднее, после «Ленинградского дела», в происходившем стали видеть «линию гонки количественных показателей любыми средствами в ущерб качеству»³⁸, но пока ленинградское руководство уверенно шло к цели. Но на пути стояла проблема энергетического обеспечения. Уже зимой 1947/48 г. городу требовалось 9 700 тыс. кВт/ч электроэнергии, в то время как мощности «Ленэнерго» позволяли произвести 8 500—8 800 кВт/ч. К тому времени Кузнецова

²⁸ ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 11.

²⁹ Там же, л. 40.

³⁰ Там же, л. 75.

³¹ Там же, д. 6519, л. 4—5; оп. 49, д. 342, л. 150—151.

³² Там же, оп. 2, д. 6519, л. 4—5.

³³ Там же, оп. 73, д. 32, л. 37.

³⁴ Там же, ф. 2071, оп. 3, д. 127, л. 43 об.

³⁵ Там же, ф. р-24, оп. 73, д. 35, л. 92, 97, 98.

³⁶ Там же, ф. 2071, оп. 3, д. 127, л. 45.

³⁷ Там же, ф. р-25, оп. 2, д. 6506, л. 40—41.

³⁸ Там же, ф. 78, оп. 6, д. 1, л. 162.

уже перевели на работу в ЦК ВКП(б). Его преемник П.С. Попков в письме И.В. Сталину изложил свой взгляд на возникшую ситуацию: «Министерство электростанций, не ожидая такого быстрого восстановления промышленности и городского хозяйства Ленинграда и тем будучи застигнуто врасплох, — не приняло своевременных мер по форсированию в ленинградской энергосистеме восстановления и строительства электростанций с тем, чтобы “рост мощностей электростанций опережал восстановление и развития других отраслей”, как это указывалось законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.»³⁹. Однако письмо не отправили, очевидно, потому что при таких формулировках нарушителем закона о пятилетке выглядел сам обком, не сопоставивший собственных амбиций с техническими возможностями «Ленэнерго». Ведь на протяжении 1940-х гг. имели место множественные случаи аналогичных конфликтов обкома с рядом министерств⁴⁰. Так, в 1947 г. в ЦК разбиралось требование Попкова об увеличении производств на заводе Министерства тяжёлого машиностроения «Русский дизель»⁴¹.

В январе 1948 г., действуя через Вознесенского, Попков начал готовить решение правительства «О мерах по ликвидации разрыва между потребностью и добычей торфа на предприятиях Ленинградского торфотреста» (торф использовался в качестве топлива для электростанций). Одновременно Вознесенскому был предложен проект увеличения в городе производства электроэнергии. Оба проекта получили одобрительную резолюцию: «Госплану (т. Клочкову) для подготовки». Тогда же Попков уведомил об этих инициативах первого заместителя председателя Совета министров СССР Л.П. Берия. 28 февраля министр электростанций Д.Г. Жимерин сообщил Берии, что, по его мнению, «Попков завысил потребность в электроэнергии и вводе новых мощностей». Разногласия колебались в диапазонах 2,3—2,6% и 20—33% соответственно. Итогом стал проект постановления «О развитии топливно-энергетической и металлургической базы г. Ленинграда». После согласования с Берией, Вознесенским, Г.М. Маленковым и Л.М. Кагановичем он поступил Сталину, и 23 марта соответствующее решение было принято⁴².

В апреле Попков доложил о нём объединённому пленуму обкома и горкома ВКП(б). При этом он трактовал его весьма вольно. Пункт 2.б. гласил: «Во изменение ранее принятых решений необходимо, чтобы довоенный объём производства промышленной продукции в г. Ленинграде в размере 14 млрд рублей был достигнут в 1951 году против фактического выпуска в 1947 г. 10,5 млрд рублей и при плане на 1948 г. 12,6 млрд рублей. Впредь до создания собственной металлургической и топливно-энергетической базы объём промышленной продукции должен быть сохранён на довоенном уровне»⁴³. Этот пункт был дезавуирован на пленуме: «Было бы грубейшей политической ошибкой прекратить борьбу за выполнение пятилетки в четыре года. На всех⁴⁴ предприятиях города Ленинграда лозунг “Пятилетку в четыре года” — остаёт-

³⁹ Там же, ф. р-24, оп. 13а, д. 130, л. 118—119.

⁴⁰ Там же, оп. 75, д. 175 (это засекреченное дело имеет красноречивый заголовок «Ошибки и отклонения министерств при перестройке промышленности Ленинграда»); Павлов М.Ю. «Ленинградская группа» и нарушение сталинских принципов власти // Концепт. 2015. № 11. С. 114.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 117, оп. 117, д. 708, л. 12—24.

⁴² ГА РФ, ф. 5446, оп. 50а, д. 2957, л. 265—232.

⁴³ Там же, л. 264.

⁴⁴ При правке стенограммы Попков зачеркнул «всех» и надписал чернилами «многих».

ся в полной силе. Для таких⁴⁵ предприятий, как завод “Электросила”, заводы имени Сталина, имени Ленина, всех судостроительных и приборостроительных заводов Ленинграда. Они должны сочетать безупречную качественную работу с высокими темпами, обеспечивающими завершение этими предприятиями пятилетки в четыре года, т.е. в 1949 году»⁴⁶. В действительности превышать показатели пятилетки разрешалось только в части технико-экономических показателей (расход сырья, топлива, электроэнергии, повышение производительности труда и т.д.)⁴⁷. Оговорок о сверхплановом производстве какой-либо продукции постановление не содержало⁴⁸.

Показательны также объяснения пленуму п. 2 постановления, гласившего: «Обязать Министерство чёрной металлургии (т. Тевосяна), Министерство строительства предприятий тяжёлой индустрии (т. Юдина) и Ленинградский обком ВКП(б) (т. Попкова) в 2-месячный срок внести в Совет Министров СССР согласованные с Госпланом СССР предложения по ускорению строительства Череповецкого металлургического завода и обеспечению металлом ленинградской промышленности»⁴⁹. Попков комментировал его так: «Мощность первой очереди Череповецкого завода по выплавке чугуна⁵⁰ 1—2 десятка миллионов, по выплавке стали 1,6 миллиона тонн в год... Подготовительная работа по строительству Череповецкого завода должна начаться уже во II квартале текущего года». Постановление не содержало таких данных, более того, необходимая договорённость Ленинградского обкома и Минчермета ещё не была достигнута, что признавал сам П.С. Попков: «Ещё не намечен план действий со стороны Министерства чёрной металлургии»⁵¹. Названные цифры — 10—20 млн т чугуна — не отличались реалистичностью: заводы Среднего и Южного Урала, вместе взятые, выплавляли в два раза меньше даже в 1950-х гг. Более правдоподобна цифра в 1,6 млн т стали — столько её выплавляли в Свердловской обл. в 1945 г.⁵² Из изложенного следует, что Попков продолжил линию Кузнецова на увеличение производства в Ленинграде любой ценой, и цена эта грозила оказаться очень высокой.

Первые проблемы возникли при разработке угольных месторождений в Ленинградской обл. Постановление содержало план-график добычи трестом «Ленинградуголь» энергетических (бурых) углей. Предусматривалось построить к 1953 г. 15 шахт мощностью в 3 млн т с годовой добычей в 6 млн т. Для сравнения: в IV пятилетке добыча энергетических углей в Челябинской обл. колебалась в районе 11—12 млн т⁵³. При этом предстояло «организовать угольную добычу на совершенно неосвоенных месторождениях, на чистом месте или в лесу»⁵⁴. План добычи 1948 г. (300 тыс. т) удалось выполнить на 108%. Однако

⁴⁵ При правке стенограммы Попков зачеркнул «Для» и надписал чернилами «прежде всего на», таким образом объединив два предложения в одно.

⁴⁶ ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 6519, л. 39.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 5446, оп. 50а, д. 2957, л. 263.

⁴⁸ Там же, л. 265—272.

⁴⁹ Там же, л. 264.

⁵⁰ При правке стенограммы Попков вписал чернилами «определена в».

⁵¹ ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 6519, л. 30—32.

⁵² *Михеев М.В.* Индустриальный Урал в советской региональной политике позднесталинского периода (1945—1953 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 178.

⁵³ Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска. Статистический сборник. Челябинск, 1957. С. 41.

⁵⁴ ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 6519, л. 14.

план строительно-монтажных работ за первые 8 месяцев 1948 г. оказался выполнен лишь на 85,5%. Из 7 шахт мощностью 650 тыс. т, подлежащих закладке в 1948 г., на 1 сентября заложены лишь 4 мощностью 180 тыс. т. Из 5 шахт мощностью 230 тыс. т, подлежащих вводу в эксплуатацию в 1948 г., ввели только одну мощностью 30 тыс. т⁵⁵.

В 1949 г. добыча угля заметно снизилась. Летом ЦСУ СССР констатировало невыполнение плана за первое полугодие на 38,3%⁵⁶. В числе причин назывались резкое уменьшение мощности пластов, вскрытие подготовительными выработками отработанных участков, сокрытие таких отработанных участков в проектной документации. Отмечалось неполное осуществление обкомом мероприятий по переводу специалистов и квалифицированных рабочих на стройки и предприятия «Ленинградугля». При закладке новых шахт неожиданно вскрывались потребности в дополнительных геологоразведочных работах, сроки срывались из-за несвоевременного предоставления проектно-сметной документации и сложных условий при проходке горных выработок. Отмечалась неправильная оценка стоимости предстоящих работ. Так, на плановые работы по осушению шахтных полей в 1949 г. выделено 14 400 тыс. руб., а за 5 месяцев израсходовано 9 150 тыс. Работы по осушению фактически велись не в течение 5 месяцев, а в апреле—мае. Таким образом, за два месяца освоили более 9 млн руб. и до конца года оставалось лишь 5,25 млн. Задействованные в разработке угольных месторождений ведомства либо перекладывали вину друг на друга (особенно министерства геологоразведки и угольной промышленности⁵⁷), либо оправдывались необходимостью вести большой объём работ в других регионах. Так, Министерство путей сообщения отказывалось осуществлять строительство подъездных путей к шахтам «Ленинградугля» в связи с тем, что «все средства в 1949 г. будут направлены на строительно-восстановительные работы по усилению важнейших грузонапряжённых направлений дорог Донбасса, Урала и Сибири, а также на выполнение решений правительства по развитию угольных месторождений Кузнецкого, Донецкого, Подмосковского, Кизеловского и других бассейнов»⁵⁸.

Принцип экстенсивного развития региональной промышленности за счёт увеличения добычи бурых углей с целью их последующего использования для преодоления энергетического кризиса в Ленинграде не выдержал столкновения с реальностью. При этом щедрая обкомовская критика министерств не кажется объективной. Послевоенному СССР приходилось изыскивать ресурсы на восстановление Донбасса, реконструкцию металлургических комплексов Урала и Сибири, осуществление атомной программы и многие другие проекты. Организация работ «Ленинградугля» в этих условиях изначально казалась сомнительной, а в свете вскрывшихся природных факторов и вовсе выглядела невозможной. Но от «угольной» программы не отказывались, а параллельно ей продвигали ещё более масштабный проект Череповецкого металлургического завода, призванного снабжать городскую промышленность металлом.

⁵⁵ ГА РФ, ф. 5446, оп. 51а, д. 1599, л. 160.

⁵⁶ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3296, л. 8—32.

⁵⁷ ГА РФ, ф. 5446, оп. 51а, д. 1599, л. 335—331, 293—290, 289, 288—285, 255—254, 252—250, 249, 219—215, 137—127, 39—36.

⁵⁸ Там же, л. 160, 95.

На него бросили серьёзные административные и технические ресурсы. 4 октября 1948 г. вышло постановление Совета министров СССР «О строительстве Череповецкого металлургического завода»⁵⁹, определившее задачи для предприятия: выплавлять в год около 1,2 млн т чугуна, 1,6 млн т стали, изготавливать более 1,2 млн т квалифицированного проката⁶⁰. Первые плавки (около 100 тыс. т) планировалось получить в 1952 г.⁶¹ Постановление готовилось в соответствии с правительственным решением от 23 марта 1948 г. По словам Попкова, обкому пришлось затратить массу усилий для утверждения проектного задания по комбинату: «Давайте откровенно говорить. Если бы мы своевременно не послали энное количество телеграмм, проектное задание не было бы утверждено. В этом я уверен. Мы сели на это дело и поджали... утвердили проектное задание»⁶². Спешку обусловило вышедшее 20 ноября постановление Совета министров СССР «О перестройке ленинградской промышленности». Оно подтвердило предыдущие указания о выходе промышленного производства в городе на довоенный уровень не ранее 1951 г. Кроме того, указывалось «осудить неправильную практику сосредоточения только в городе Ленинграде производства ряда важнейших видов машин и агрегатов»⁶³. Последнее противоречило стремлению обкома выдвинуть Ленинград в «авангард борьбы за дальнейший технический прогресс для выпуска точных... и квалифицированных машин, станков, приборов и кораблей, которые представляли бы собой последнее слово отечественной и мировой техники»⁶⁴.

В начале 1949 г. Попков сетовал: «Мы могли... совершенно свободно и к ноябрьским праздникам (1949 г. — *М.М.*) перекрыть задание, записанное Ленинграду на конец 1950 года, т.е. перекрыть пятилетку... А нам сказали: стоп. 1948 год выполнили, а теперь пятилетку, будьте добры, выполните к декабрю 1951 года... на два года нас по темпам осадили... сколько мы сейчас можем выпускать. Нас задержали. Причём какой продукции! Высококвалифицированной, которую может выпускать только Ленинград и никакой другой промышленный центр». И напомнил: «Для того чтобы развязать руки Ленинграду, нужен металлургический завод, нужен свой металл». С целью преодолеть навязанное правительством (по утверждению Попкова, при личном участии Сталина) вынужденное отставание от общесоюзных темпов, обком всячески стремился ускорить строительство и ввод в действие мощностей Череповецкого завода. Попков прямо высказывался в адрес общесоюзных министерств: «С шеи вашей не слезем, пока не будет металлургический завод построен»⁶⁵.

Стройка имела внушительную поддержку. 16 ноября 1948 г. Госплан блокировал в ЦК проект Свердловского обкома о строительстве Урало-Печорской угольно-металлургической базы — потенциального конкурента за угольные ресурсы Печорского бассейна⁶⁶. Примечательно, что данный проект поступил на рассмотрение Кузнецову, уже занимавшему пост секретаря ЦК ВКП(б)⁶⁷.

⁵⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 134, д. 48, л. 48.

⁶⁰ ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 49, д. 342, л. 127.

⁶¹ Там же, л. 154.

⁶² Там же, л. 143.

⁶³ Там же, ф. р-25, оп. 2, д. 6506, л. 6, 25.

⁶⁴ Там же, ф. р-24, оп. 73, д. 32, л. 65.

⁶⁵ Там же, оп. 49, д. 342, л. 152—154.

⁶⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 134, д. 425, л. 119—120.

⁶⁷ ЦДОО СО, ф. 4, оп. 43, д. 160, л. 3—8, 54.

Под нужды треста «Череповецметаллургстрой» повсеместно изымались ресурсы. В 1949 г. это вызвало строительный кризис в Мурманской обл. 29 декабря обком подал в ЦК жалобу о вывозе из Мурманска в Череповец кирпича. Его отгрузка вызвала дефицит, и ряд строек, осуществлявшихся по решениям Совета министров СССР, прекратили работу. Обком оказался перед абсурдной необходимостью вывозить из области кирпич и в то же время просить правительство о его завозе. При этом расстояние от Мурманска до Череповца составляло 1 650 км, почти столько же, сколько расстояние от Москвы до Свердловска (1 682 км). Ситуацию усугубляло то, что уголь для кирпичного обжига завозился в Мурманск из Воркуты. Вследствие полярных надбавок, повышенного коэффициента зарплаты и иных действовавших в Заполярье льгот стоимость кирпича здесь была высокой. Обком просил «завозить кирпич для строительства Череповецкого завода из других, более близких пунктов»⁶⁸ (безрезультатно).

Строительство комбината ещё в начале 1949 г. обнаружило широкий спектр проблем: отсутствие строительных материалов, несоответствие продукции воркутинских угольных шахт технологическим требованиям строящегося предприятия, бедность кольских руд, проблемы геологоразведки, отсутствие необходимых месторождений флюсовых известняков, невозможность своевременного строительства транспортной инфраструктуры и т.д.⁶⁹ Заместитель министра по строительству предприятий тяжёлой индустрии Д.Я. Райзер указал на несвоевременность стройки: «Трудность... в том, что в настоящее время в современных условиях нет возможности перебросить сразу имеющую богатый опыт строительную организацию, которая пришла бы на эту площадку с хорошими квалифицированными кадрами, чтобы сразу всё поднять»⁷⁰. Но Попков не проявлял признаков беспокойства, более того, высказывался в пользу досрочного запуска производства с первыми плавками уже в 1951 г.⁷¹

В августе 1949 г. ЦСУ начало проверку состояния строительства. Ход стройки оценили как неудовлетворительный. Выполнение годовых планов капитальных работ составляло 7,1—31,3%, объекты оказались обеспечены технической документацией лишь на 34%. Ещё не начинались строительство производственной базы, кирпичного завода, кислородной станции, причала, подъездных путей, временных дорог. Отдельно ЦСУ отметило слабую отчётную дисциплину строительства. Большое количество стройматериалов (в том числе кирпич)⁷² выдавалось на сторону, что в свете событий в Мурманске выглядело своеобразно. Виновными в неудачах строительства указывались профильные министерства. Однако логично распространить ответственность и на ленинградских руководителей, намеревавшихся получить топливно-металлургическую базу в максимально короткие сроки. Стремление увеличить промышленное производство вошло в противоречие с послевоенной экономической обстановкой, отсутствием ресурсов для индустриального строительства на Северо-Западе. Попытки решить эти проблемы бюрократическими и аппаратными принципами («взять и записать») не выдержали столкновений с реальностью.

⁶⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 134, д. 48, л. 45—52.

⁶⁹ ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 49, д. 342, л. 1—162.

⁷⁰ Там же, л. 11.

⁷¹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3296, л. 153.

⁷² Там же, л. 73.

Уже после «Ленинградского дела» действия Попкова, Кузнецова и других ленинградских руководителей, а также Вознесенского удачно резюмировал новый секретарь Ленинградского горкома А.И. Алексеев: «Эта опасная для народного хозяйства игра антипартийной группы за высокие темпы покрывалась бахвальством, что Ленинградская промышленность по темпам производства заняла ведущее место по Советскому Союзу. На самом деле промышленность Ленинграда не имела топливно-энергетической и металлургической базы и работала с перебоями. Антипартийная группа в погоне за количественными показателями не проводила правильной линии развития»⁷³. Новый первый секретарь обкома В.М. Андрианов утверждал: «Вместо того чтобы сосредоточить внимание организации на создании собственной топливно-энергетической и металлургической базы и двинуть вперёд дело технического прогресса ленинградской промышленности, Попков с открытым забралом, с левацкой фразеологией... спекулянтски апеллировал, что ленинградскую промышленность правительство остановило на полном скаку»⁷⁴. Символично, что ранее он возглавлял обком в Свердловске, недавнем конкуренте Ленинграда за освоение печорских углей.

Но была ли эта «опасная игра» проиграна полностью? Несмотря на отсутствие политической преемственности в обкоме, новым руководителям пришлось продолжить курс предшественников в части территориальной организации экономики Северо-Запада. Алексеев уже в 1950 г. говорил: «Особое внимание товарищ Сталин уделяет направлению развития промышленности города Ленинграда по созданию надёжной собственной топливно-энергетической базы».

Что касается работы по выполнению пятилетки, Алексеев заявил: «Ленинградская городская партийная организация при помощи областного комитета партии во главе с первым секретарём тов. Андриановым проделала большую работу по выполнению решений партии и правительства о перестройке развития, за сохранение за Ленинградом роли важнейшего центра квалифицированного машиностроения, приборостроения и судостроения»⁷⁵. В это время валовой выпуск промышленной продукции ещё не достиг довоенного уровня. Он составил 127% от 1940 г.⁷⁶ — эту цифру ещё в 1945 г. называли Кузнецов и Стожилов. Фактически планы Кузнецова и Попкова воплотились в жизнь уже в 1960-х гг., после запуска Череповецкого металлургического комбината. Генеральная схема размещения производительных сил СССР (1966) зафиксировала территориальную организацию экономики Северо-Запада с центром в Ленинграде в том виде, в каком она виделась Ленобкому в 1944—1949 гг.⁷⁷ Таким образом, приведённый материал указывает на тенденции экономического развития Северо-Запада, набиравшие силу даже в условиях административно-командной экономики. На выбранное (а возможно, просто понятое) обкомом направление развития оказались бессильны повлиять репрессии, изменения персонального состава регионального руководства, трансформации

⁷³ ЦГАИПД СПб, ф. 78, оп. 6, д. 1, л. 162.

⁷⁴ Там же, ф. р-25, оп. 28, д. 26, л. 8.

⁷⁵ Там же, ф. 78, оп. 6, д. 1, л. 162.

⁷⁶ *Можин В.П., Кистанов В.В., Лаврищев А.Н., Адамеску А.А., Токарев С.П.* Планирование размещения производительных сил СССР... С. 214.

⁷⁷ *Адамеску А.А.* Первая Генеральная схема: опыт объединения научных организаций для обоснования перспективного размещения производительных сил. М., 2016. С. 158—170.

системы политической власти после 1953 г., народнохозяйственные реформы конца 1950-х гг.

С другой стороны, события 1944—1949 гг. представляют собой образец малоизученного явления — советского регионализма. На примере Ленинграда мы видим, как руководители индустриального центра фактически образовали «группу влияния» по отстаиванию его экономической исключительности в рамках общесоюзной плановой экономики. Дальнейшее изучение подобных явлений относительно иных индустриальных центров (Урал, Донбасс, Центр, Дальний Восток и т.д.), сравнение их между собой, анализ сопутствовавших им конфликтов интересов различного уровня создают перспективы для исследования истории советской региональной политики в целом и позднесталинского СССР в частности с новых, территориально-экономических позиций.